

А. Будиловичъ.

ПАМЯТИ
Н. А. ЛАВРОВСКАГО.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

Н. А. Лавровскій.

А. Будиловичъ.

ПАМЯТИ Н. А. ЛАВРОВСКАГО.

Рѣчь, прочитанная въ засѣданіи Учено-литературнаго общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 30 сент. 1899 г.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

А. БУДНОВСКИ

ПАМЯТИ

Н. А. ДАВЫДОВСКОГО

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. III.

TARTU ÜLIKOOLI

RAAMATUKOGU

№ 32219350

Юрьевъ

Издано въ типографіи Юрьевскаго Университета

1896

Мм. Гг.

Скончавшійся 18 сент. с. г. заслуженный профессоръ и ординарный академикъ, попечитель Рижскаго учебнаго округа Николай Алексѣевичъ Лавровскій принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся дѣятелей русской науки и русской школы, такъ что и наше Учено-литературное общество не можетъ обойти молчаніемъ его свѣжей могилы.

Для полнаго обзора его жизни и дѣятельности у меня нѣтъ теперь подъ рукою необходимыхъ матеріаловъ. Но въ теченіе 25-лѣтняго почти сослуженія съ Н. А. сначала въ Нѣжинѣ, потомъ въ Варшавѣ и наконецъ въ здѣшнемъ учебномъ округѣ, я имѣлъ возможность довольно близко ознакомиться съ его личностью и дѣятельностью, почему и считаю себя въ правѣ представить вамъ, Мм. Гг., краткій очеркъ его полувѣкового почти служенія наукѣ и Россіи, особенно на здѣшней окраинѣ.

Уроженецъ Тверской губ. (1828 г.), гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ, Н. А., наряду съ младшимъ его братомъ Петромъ, уже въ ранней молодости обнаружилъ замѣчательныя способности и любовь къ ученію, благодаря чему они оба удостоились принятія въ Главный педагогическій институтъ въ С.-Петербургѣ. Тутъ они получили прекрасное филологическое образованіе и нашли возможность выйти на ученую дорогу. Н. А. настолько

выдвигался изъ среды товарищей по знанію древнихъ языковъ, что по представленію своего учителя эллиниста Грефе былъ оставленъ при Институтѣ въ званіи адъюнкта по кафедрѣ греческой и латинской словесности (17 авг. 1851 г.). Н. А. любилъ въ послѣдствіи вспоминать это время, когда ему приходилось объяснять студентамъ на латинскомъ языкѣ Гомера и греческихъ трагиковъ. Но вліяніе на обоихъ братьевъ тогдашняго профессора Института по кафедрѣ славянорусской филологіи Измаила Ивановича Срезневскаго было сильнѣе вліянія профессоровъ-классиковъ и очень рано, уже въ началѣ 50-ыхъ годовъ, Н. А. совмѣстно съ Петромъ Алексѣвичемъ, переходитъ къ русской словесности и пишетъ цѣнную для своего времени монографію: О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками (СПБ. 1853 г.). Благодаря прекрасному знакомству съ греческимъ языкомъ не только древняго, но и средняго или византійскаго періода, Н. А. чѣ успѣлъ разяснить много темныхъ мѣстъ въ этихъ договорахъ, возстановивъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ большою вѣроятностью несохранившійся греческій подлинникъ этого важнаго переводнаго памятника.

Переведенный въ 1852 г. (25 авг.) изъ Главнаго института въ Харьковскій университетъ въ званіи адъюнкта, а потомъ (съ 22 іюня 1855 г.) экстраординарнаго профессора по кафедрѣ педагогики, которую онъ занималъ до 8 окт. 1858 г. Н. А. получилъ возможность и имѣлъ побужденіе основательно изучить теоретическія и историческія основы этой науки, которыя онъ могъ провѣрить и на дѣлѣ, какъ университетскій преподаватель и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ членъ комитета для испытанія лицъ, ищущихъ званія домашняго учителя или учительницы по предмету русской словесности. Сверхъ того на Н. А. ча нерѣдко возлагаемы были въ Харьковскомъ округѣ порученія по ревизіи среднихъ учебныхъ заведеній, строй которыхъ онъ могъ уже тогда изучить во всѣхъ подробностяхъ.

Къ этому періоду жизни и научныхъ занятій Н. А. ча

относится изданіе прекрасной монографіи: О древнерусскихъ училищахъ (Харьковъ 1854 г.), гдѣ разсмотрѣна организація русскихъ школъ до конца 15 в., по сравненію со школами инославянскими и византійскими, отчасти и западно-европейскими той же эпохи. Монографія эта, составленная на основаніи очень детальнаго и критическаго изученія древнерусской письменности, а также памятниковъ византійскихъ и западныхъ, въ ихъ научной разработкѣ и въ связи съ общей исторіей и теоріей педагогики, доставила Н. А.-у степень доктора славяно-русской филологіи, и наряду съ монографіей: О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины II (Харьковъ, 1856 г.) опредѣлила переходъ его (съ 27 ноября 1858 г.) на кафедру русской словесности въ томъ же Харьковскомъ университетѣ, со званіемъ ординарнаго профессора. Занявъ эту кафедру, Н. А. оставался на ней въ теченіе всей своей послѣдующей профессорской дѣятельности какъ въ Харьковскомъ университетѣ, такъ впослѣдствіи (съ 1875 г.) въ Нѣжинскомъ институтѣ кн. Безбородко и наконецъ (съ 1883 г.) въ Варшавскомъ университетѣ.

Дальнѣйшія научныя работы Н. А. по славяно-русской словесности обнимали и древній, и средній, и новыи ея періоды. Особенно замѣчательны были его изслѣдованія по славянской апокрифической литературѣ: Обзорѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ (Дух. Вѣстникъ 1864 г. т. IX). Изъ этой области древнеславянской письменности, которую Н. А. изучилъ по сравненію съ византійскими подлинниками и западноевропейскими параллелями, онъ любилъ брать темы для спеціальныхъ занятій со студентами и впослѣдствіи, въ Нѣжинскомъ институтѣ и Варшавскомъ университетѣ.

Къ этой же области изслѣдованій по древнеславянской письменности относятся статьи Н. А.-ча: Избраніе Михаила Ѳедоровича на царство (въ Опытахъ историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главн. педагогич. института СПБ. 1852); Разборъ слова о житіи и преставленіи в. кн. Димитрія Ива-

новича (ср. Изв. II отд. Имп. А. Н. 1854 г. т. IV); Русскій языкъ, въ областныхъ нарѣчійхъ (Москвитянинъ 1856 г. т. IV); Замѣтка о словѣ Севрїя въ апокрифическомъ сказанїи объ Адамѣ (Моск. Вѣд. 1861 г. № 24); Памятники стариннаго русскаго воспитанїя (Чт. въ Моск. О. И. и Др. 1861 г. кн. III); Повѣсть о чудотворномъ образѣ Богородицы, находившемся въ Выдропускѣ (Лѣт. рус. лит. и древн. изд. Тихонравовымъ, Москва 1862 г. кн. IV); О русской народной поэзіи (Воронежъ, Филологич. Зап. 1868 г. т. VII); О новомъ чешскомъ переводѣ Слова о полку Игоревѣ, К. Я. Эрбена (Ж. М. Н. Пр. 1871 г. ч. CLIV); О Петровскихъ пѣсняхъ (Воронежъ, Филолог. Зап. 1872 г. т. XI); Значеніе настоящаго времени въ классификаціи славянскихъ глаголовъ и образованіе его сравнительно съ родственными языками (Ж. М. Н. Пр. 1873 г. ч. CLXVI); Замѣчаніе о гирѣ Константина Багрянороднаго (ib.); Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ (Кіевъ, Извѣстія ист.-фил. инст. кн. Безбородко 1877 г. т. I); Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россїи (Меѳодіевскій юбил. сборникъ, Варшава 1885).

Изъ статей же и сочиненій Н. А. по новой русской литературѣ назовемъ слѣдующія: Мнѣніе о преподаванїи новаго періода русской литературы (Циркуляръ по Харьков. уч. окр. 1863 г. № 11—12); Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ (Харьковъ 1865 г.); О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ (ib.); Карамзинъ и его литературная дѣятельность (Харьковъ 1866); О Крыловѣ и его литературной дѣятельности (Ж. М. Н. Пр. 1868 г. ч. CXXXVI); Очеркъ жизни и дѣятельности К. Я. Эрбена (ib. 1871 г. ч. CLIV); Къ біографїи фонъ-Визина (ib. 1872 г. ч. CLX); Опытъ русской исторїи Рейта (ib. ч. CLXV); Къ біографїи Н. В. Гоголя (Изв. Ист.-фил. инст. кн. Безбородко 1881 г. т. VI); Изъ семьи и школы Пушкина (Варш. Дневникъ 1887 г. №№ 29, 30, 31).

Особую группу составляютъ статьи Н. А. по исторїи

Харьковскаго университета: Рѣчь о заслугахъ ректора Харьк. университета А. П. Рославскаго-Петровскаго (Моск. Вѣд. 1862 г. № 250); А. Н. Зернинъ: Рѣчь при его погребеніи (Харьк. губ. вѣд. 1866 г. № 73); Первоначальная исторія Харьк. университета (Ж. М. Н. Пр. 1869 г. ч. CXLV); Замѣчанія о первоначальной исторіи Харьк. ун-та (Харьк. губ. вѣд. 1869 г. №№ 26. 27); О сношеніи Н. М. Карамзина съ Х. ун-томъ (Рус. Арх. 1869 г. № 12); В. Н. Каразинъ и открытіе Х. ун-та (Ж. М. Н. Пр. 1872 г. ч. CLIX); Эпизодъ изъ исторіи Х. ун-та (Чт. въ Общ. Ист. и Др. Москва 1873 г. кн. II); Воспоминаніе о В. Н. Каразинѣ (Ж. М. Н. Пр. 1873 г. ч. CLXV).

Сюда примыкають еще статьи: Рѣчь на актѣ Ист.-фил. инст. кн. Безбородко (Изв. этого инст. 1878 г. т. II); Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ 1820—32 гг. (тамъ же 1879 г. т. III).

Наконецъ приведемъ еще мелкія статьи Н. А. по вопросамъ педагогическимъ: О прусскихъ регулятивахъ 1, 2 и 3 сент. 1854 г. (Ж. М. Н. Пр. 1858 г. ч. ХСVII); Мэнтенонъ, ея сочиненія и педагогическая дѣятельность до основанія Сень-Сира (Рус. Слово 1859 г. № 10); О педагогическихъ бесѣдахъ въ уѣздныхъ училищахъ (Ж. М. Н. Пр. 1861 г. ч. СХ); Объ осмотрѣ низшихъ учебныхъ заведеній директорами училищъ (ib.); Обзорѣніе учительскихъ съѣздовъ въ Харьк. уч. округѣ (Ж. М. Н. Пр. 1863 г. чч СХVII и СХVIII); По поводу преобразования духовныхъ семинарій (Спб. Вѣд. 1863 г. №№ 166 и 167); По вопросу объ устройствѣ гимназій (Ж. М. Н. Пр. 1867 г. ч. СXXXVI)¹).

Изъ названныхъ сочиненій для насъ, жителей Прибалтійской окраины, особенно поучительна монографія Н. А-ча „О Ломоносовѣ, по новымъ даннымъ“ (1865 г.), написанная къ столѣтнему юбилею „отца новорусской литературы“. Въ

1) Библиографическія данныя заимствованы мною изъ записки Л. Н. Майкова: Объ ученыхъ трудахъ Н. А. Лавровскаго (Зап. И. А. Н. 1892 г. т. LXVII).

монографіи этой Н. А. съ особеннымъ вниманіемъ и рѣдкой проникательностью остановился на борьбѣ Ломоносова съ Шумахеромъ, Таубертомъ, Миллеромъ, а потомъ Шлецеромъ и другими академическими нѣмцами, съ ихъ русскими присѣшниками, освѣщаемой „Матеріалами“ Билярскаго, но довольно тенденціозно, съ нѣмецкой точки зрѣнія комментируемой въ примѣчаніяхъ издателя. Н. А. разоблачилъ эту тенденціозность и восстановилъ объективную картину академическихъ отношеній и патриотическую цѣль „благородной упрямки“ Ломоносова. Нѣкоторыя перипитіи этой памятной борьбы русскаго дѣятеля Елисаветинской эпохи съ туземными и пришлыми нѣмцами пришлось въ послѣдствіи пережить и самому Н. А-чу, въ періодъ его управленія здѣшнимъ округомъ.

Но вообще слѣдуетъ признать, что какъ ни значительны и важны были вклады Н. А. въ русскую науку, въ признаніе которыхъ онъ избранъ былъ (3 марта 1890 г.) въ ординарные академики Имп. Академіи наукъ, — онъ успѣлъ при жизни издать далеко не все существенное изъ своихъ изслѣдованій и лекцій по исторіи русской словесности. Я убѣжденъ, что изданіе этихъ лекцій и теперь еще, послѣ болѣе чѣмъ десятилѣтняго перерыва въ ихъ обработкѣ, было бы важнымъ событіемъ въ этой наукѣ, ибо Н. А. былъ человѣкъ съ очень обширнымъ общимъ образованіемъ, отличный знатокъ міра древняго, весьма начитанный въ памятникахъ византийской и вообще средневѣковой литературы, а также въ новѣйшихъ поэтическихъ произведеніяхъ европейскаго запада, не говоря уже про его основательное знакомство съ памятниками русской письменности, за всѣ періоды ея развитія. Кромѣ того — что особенно важно — Н. А. былъ ученый настоящій, знавшій цѣну строгаго научнаго метода и умѣвшій объединять частности въ общей картинѣ, освѣщенной его яснымъ, точнымъ умомъ и согрѣтой теплымъ національнымъ чувствомъ.

Но дѣятельность Н. А-ча далеко не исчерпывалась на-

учными трудами. Уже въ Харьковѣ ему пришлось, одновременно съ таковыми, заниматься и вопросами университетской администраціи, въ званіи декана историко-филологическаго факультета, которое онъ носилъ съ 1862 по 1874 г., т. е. въ теченіе 12 лѣтъ. Неизмѣнное расположеніе къ Н. А-чу его товарищей по факультету и совѣту, принимавшихъ участіе въ избраніи декановъ, объясняется не только его обширнымъ педагогическимъ образованіемъ и опытностію, но и нѣкоторыми особенностями его характера — благодушнаго и сдержаннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ стойкаго и строгаго въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи Н. А-чъ счастливо отличался отъ своего младшаго брата, Петра, человѣка пылкаго, боевого, наступательнаго, хотя по дарованіямъ и энергіи они оба были люди равно выдающіеся.

Ихъ достоинства и заслуги обратили на себя вниманіе тогдашняго министра нар. пр. гр. Д. А. Толстого: въ 1869 г. онъ избралъ Петра Алексѣевича въ ректоры только что преобразованнаго тогда изъ польской Главной школы Варшавскаго университета, а лѣтъ 5 спустя произвалъ Н. А-ча къ преобразованію Нѣжинскаго юридическаго лица кн. Безбородко въ Историко-филологическій институтъ, котораго первымъ директоромъ и былъ Н. А. въ теченіе 7 л. Въ этомъ званіи онъ имѣлъ возможность въ полномъ блескѣ проявить свои педагогическіе и административные таланты, навсегда связавъ свое имя съ учрежденіемъ этого заведеніемъ и подготовкою въ немъ не одной сотни педагоговъ, съ честью донинѣ занимающихъ учительскія должности по историко-филологическимъ наукамъ въ многочисленныхъ русскихъ гимназіяхъ. Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ, отчасти и сотрудникомъ Н. А-ча въ этой его работѣ, и я могу на основаніи личныхъ воспоминаній заявить, что въ это дѣло онъ вложилъ всю свою душу. Преданія закрытаго Н. А-чемъ въ 1875 г. Нѣжинскаго лица, заведенія полуаристократическаго и щедро раздававшего юридическіе

дипломы даже многимъ недоучившимся питомцамъ, не были особенно благопріятны для новаго института. Но Н. А. и не перенесъ въ послѣдній этихъ преданій, а организоваль его заново, по типу Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ. Какъ удаченъ былъ произведенный при этомъ Н. А.-чемъ подборъ первыхъ преподавателей института, это показываютъ имена вышедшихъ изъ этого контингента ученыхъ, каковы напримѣръ: извѣстный нашъ эллинистъ, академикъ, профессоръ, а нѣкоторое время и ректоръ Петербургскаго университета П. В. Никитинъ; латинистъ, почетный докторъ Московскаго университета и бывший ректоръ Варшавскаго университета Г. Э. Зенгеръ; недавно скончавшійся философъ, московскій профессоръ и редакторъ „Вопросовъ философіи и психологіи“ Н. Я. Гротъ; славистъ, московскій профессоръ Р. Θ. Брандтъ; словесникъ, московскій же профессоръ М. И. Соколовъ и н. др.

Кромѣ личнаго состава, Нѣжинскій институтъ обязанъ первому своему директору и подборомъ своей библіотеки, въ которую вошли богатая книгохранилища извѣстнаго московскаго профессора Шевырева по русской и общей литературѣ и знаменитаго лейпцигскаго латиниста профессора Ричля — по классической филологіи.

Тогда же значительно расширено было помѣщеніе института надстройкою главнаго зданія и пристройкою нѣсколько новыхъ флигелей.

Но особенно много труда и усилій стоила Н. А.-чу организація учебной части и студенческой жизни этого заведенія. Для него не было въ этомъ отношеніи различія между важнымъ и неважнымъ, ибо онъ понималъ, что въ живой школѣ все органически связано и что пренебрегши въ ней мелочами нельзя достигъ ничего существеннаго, важнаго. Многіе удивлялись, напримѣръ, тогда въ Нѣжинѣ, что директоръ института считаетъ необходимымъ изо дня въ день являться на молитву студентовъ, ихъ

завтраки и ужины, на ихъ практическія занятія и вообще — входитъ во всѣ интересы жизни студентовъ. Но если принять во вниманіе, что задача живой школы есть развитіе живой, здоровой и правильно настроенной личности, то необходимо признать, что лишь этимъ ежедневнымъ наблюденіемъ и общеніемъ со студентами могъ директоръ не только слѣдить за такимъ развитіемъ, но и должнымъ образомъ направлять его. Самоотверженный, беззавѣтный трудъ директора поневолѣ долженъ былъ отражаться въ подъемѣ энергіи преподавателей и усердія питомцевъ. Мнѣ не извѣстно, удержались ли въ Нѣжинскомъ институтѣ традиціи Н. А-ча, сохраняется ли тамъ донинѣ его бодрый духъ, благородныя начала и національное направленіе. Но въ ту пору, когда я могъ наблюдать за развитіемъ института, это была школа разумная, прекрасно поставленная и настроенная. Такое заключеніе подтверждаютъ, надѣюсь, и нѣжинскіе питомцы того времени, съ которыми Н. А. сохранялъ трогательныя нравственныя связи до конца своихъ дней.

Столь беззавѣтный семилѣтній трудъ Н. А-ча по организаціи института и развитію его питомцевъ, повидимому, утомилъ его наконецъ, и въ 1882 г. онъ вышелъ въ отставку и переселился въ тотъ излюбленный имъ уголокъ земли на Донцѣ, подъ Харьковомъ, гдѣ онъ имѣлъ свою дачу, свою богатую бібліотеку и возможность продолженія научныхъ занятій. Но годъ спустя (20 авг. 1883 г.) ему пришлось распрощаться съ мирнымъ Кочеткомъ и перѣхать въ шумную Варшаву, на должность ректора университета, которую Н. А. занималъ 7 л., до назначенія его (17 авг. 1890 г.) попечителемъ здѣшняго учебнаго округа.

Характеръ дѣятельности Н. А-ча въ Варшавскомъ университетѣ, конечно, не могъ быть тотъ же, что въ Нѣжинскомъ институтѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ закрытаго учебнаго заведенія. Кромѣ того онъ засталъ Варшавскій университетъ уже преобразованнымъ, главнѣйше въ рек-

торство его младшаго брата Петра Алексѣевича. Но все же не мало было сдѣлано и Н. А. — чемъ въ дѣлѣ сближенія личнаго состава и внутренняго строя этого окраинаго университета съ коренными русскими университетами. И здѣсь ему пришлось участвовать въ привлеченіи изъ Россіи новыхъ преподавательскихъ силъ, въ числѣ коихъ находился, между прочимъ, нынѣшній директоръ Института экспериментальной медицины С. М. Лукьяновъ. При Н. А. возникли при нѣкоторыхъ факультетахъ Варшавскаго университета научные семинаріи для практическихъ занятій по разнымъ специальностямъ. Тогда же исходатайствовано было разрѣшеніе на допущеніе въ Варшавскій университетъ студентовъ православныхъ духовныхъ семинарій, въ видахъ усиленія русскаго элемента въ средѣ студентовъ. Выработанъ былъ при Н. А. и проектъ примѣненія къ Варшавскому университету „Общаго устава и штата Россійскихъ университетовъ“, но финансовыя трудности задержали введеніе этого устава до настоящаго времени.

Въ ректорство Н. А. начата была и постройка новой университетской бібліотеки, но закончена уже при его преемникѣ.

Хотя Н. А. держалъ въ Варшавскомъ университетѣ высоко знамя русской національной и государственной политики, но дѣлалъ онъ это съ такимъ умомъ и тактомъ, что даже поляки въ составѣ преподавателей и студентовъ отдавали должное его безпристрастію и справедливости. Въ жизнь студентовъ онъ не могъ, конечно, входить въ Варшавѣ такъ близко, какъ въ Нѣжинѣ; но при всѣхъ ихъ недоразумѣніяхъ, особенно частыхъ во время экзаменовъ, онъ являлся внимательнымъ посредникомъ и судьей, такъ что — какъ онъ мнѣ разъ заявилъ — ни одна экзаменаціонная двойка не избѣгала занесенія въ его записную книжку. Этимъ въ немалой мѣрѣ объясняется, что въ ректорство Н. А. въ Варшавскомъ университетѣ не было безпорядковъ, хотя въ средѣ его студентовъ и тогда было не мало элементовъ безпокойныхъ.

Доказательствомъ уваженія, какимъ пользовался Н. А. между преподавателями этого университета обѣихъ національностей, можетъ служить то, что на прощальномъ обѣдѣ при его перемѣщеніи въ Ригу присутствовали въ „Русскомъ собраніи“ не только всѣ русскіе, но и всѣ польскіе его сослуживцы. Совмѣстно они поднесли тогда Н. А. на память альбомъ изъ своихъ карточекъ, которымъ онъ очень дорожилъ, какъ доказательствомъ сочувствія ему всѣхъ товарищей, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій и направленій.

Послѣдніе девять лѣтъ своей жизни Н. А. провелъ въ здѣшнемъ округѣ, какъ преемникъ М. Н. Капустина и довершитель учебной реформы, начатой здѣсь съ 80-ыхъ годовъ по волѣ Императора Александра III. При назначеніи Н. А. (17 авг. 1890 г.) попечителемъ здѣшняго округа реформа эта, хотя была уже рѣшена въ принципѣ и кое въ чемъ начата осуществленіемъ, въ большинствѣ заведеній проведена еще не была, особенно въ системѣ школъ высшихъ и низшихъ. Да и въ среднихъ школахъ, которыми наиболѣе занимался М. Н. Капустинъ, были еще въ 1890 г. классы преобразованные и непреобразованные, причемъ во многихъ случаяхъ преобразование это имѣло бумажный характеръ, выражаясь напр. въ преподаваніи на русскомъ языкѣ чистописанія, рисованія и гимнастики. Заслуга Н. А. по отношенію къ среднимъ школамъ округа заключается въ томъ, что онъ настоялъ на дѣйствительномъ исполненіи законовъ и распоряженій, изданныхъ уже раньше, и вообще довершилъ реформу этихъ школъ. Кромѣ того онъ успѣлъ включить въ рамки реформы цѣлую серію такихъ среднихъ школъ — мужскихъ и женскихъ, которыя дотолѣ не были вовсе затронуты реформой, благодаря своему частному характеру. Много времени и усилій посвятилъ затѣмъ Н. А. низшимъ школамъ округа, куда русскій языкъ и духъ проникалъ дотолѣ лишь случайно и формально. Послѣдніе годы своей жизни Н. А. съ наибольшей настойчивостію и

любовію занимался выработкою положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, которое представлялось ему какъ бы фундаментомъ школьной реформы въ здѣшной окраинѣ. Положеніе это не получило еще, правда, окончательнаго утвержденія, но можно надѣяться, что главныя трудности въ этомъ дѣлѣ уже побѣждены и что патріотическія усилія Н. А. въ данномъ случаѣ не останутся безплодными.

Нѣкоторые русскіе публицисты и даже педагоги упрекали Н. А. въ пренебреженіи къ мѣстнымъ языкамъ при организаціи здѣшной народной школы. Но на дѣлѣ онъ не былъ противникомъ латышскаго и эстонскаго языковъ въ системѣ начальнаго обученія. Онъ полагалъ только, что нелѣпо было бы, подъ фирмою мѣстныхъ языковъ, допустить постепенную германизацію прибалтійской народной школы; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ основательно утверждалъ, что школа эта должна дать ученикамъ не мертвенное лишь, грамматическое, но и живое практическое знаніе русскаго языка, что она должна удовлетворять въ этомъ отношеніи настойчивымъ запросамъ жизни, желаніямъ и потребностямъ латышскаго и эстонскаго простонародья, которыя въ данномъ случаѣ совпадаютъ и съ интересами общегосударственными. Вообще же слѣдуетъ сказать, что занимая административный постъ Н. А. никогда не переставалъ быть педагогомъ, что, ратуя за интересы государственные и народныя, онъ никогда не вступалъ при этомъ въ коллизію съ требованіями здравой дидактики и съ законами развитія человѣческой души. Это ярко отражается въ многочисленныхъ посланіяхъ его по вопросамъ то низшаго, то средняго образованія, написанныхъ имъ лично, со свойственнымъ ему мастерствомъ изложенія, и напечатанныхъ въ циркулярахъ окружнаго управленія. Нѣкоторыя изъ такихъ циркулярныхъ посланій, напр. отъ 5 марта 1891 г. о языкѣ преподаванія въ начальныхъ училищахъ округа; отъ 15 апр. 1893 г. о мѣрахъ къ поднятію успѣховъ по русскому языку въ среднихъ, низшихъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ округа; отъ 8 февраля

было по реформѣ университета въ тотъ періодъ времени, когда во главѣ округа сталъ Н. А-чъ. Въ это именно время опубликованы были Высочайшія повелѣнія: отъ 2 дек. 1891 г. объ упраздненіи манежа и должностей учителей верховой ѣзды, танцевъ, плаванія и фехтованія; отъ 9 марта 1892 г. объ уравненіи съ общеимперскими нормами пенсій тѣхъ профессоровъ нашего университета, которые читають лекціи на русскомъ языкѣ; отъ 25 окт. 1893 г. о распространеніи на Юрьевскій университетъ общихъ положеній объ испытаніяхъ на лѣкаря и доктора медицины; отъ 25 окт. 1894 г. о примѣненіи къ этому университету положенія о юридической государственной комиссіи; отъ 10 марта 1894 г. объ установленіи для студентовъ Юрьевского университета форменной одежды общаго съ другими русскими университетами образца; отъ 29 дек. 1894 г. и 1 янв. 1896 г. объ отпускѣ кредита на устройство и содержаніе университетской православной церкви; отъ 16 янв. 1895 г. объ отпускѣ 31.470 р. въ годъ на усиленіе штатной суммы на содержаніе преподавателей Юрьевского университета и 5000 р. на инспекцію студентовъ онаго; отъ 13 іюня 1897 г. о допущеніи въ студенты этого университета воспитанниковъ православныхъ духовныхъ семинарій, окончившихъ курсъ по 1 разряду и н. др.

Одновременно съ этими указами изданъ былъ въ послѣдніе девять лѣтъ цѣлый рядъ то министерскихъ, то попечительскихъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью сближеніе организаціи Юрьевского университета съ прочими русскими университетами по отношенію къ учебнымъ планамъ, правиламъ о полукурсовыхъ и окончательныхъ испытаніяхъ, затѣмъ по употребленію русскаго языка въ преподаваніи всѣхъ предметовъ, за изъятіемъ богословскихъ и 5—6 кафедръ, занимаемыхъ донинѣ иностранными профессорами (Reichsdeutschen), а также — на испытаніяхъ, диспутахъ, въ диссертацияхъ на ученія степени, и наконецъ въ дѣло-

производствѣ совѣта, правленія и факультетовъ, не исключая и богословскаго.

И личный составъ преподавателей университета подвергся въ этотъ періодъ времени значительному измѣненію, въ смыслѣ освѣженія его русскими научными силами. Изъ общаго числа 74 нынѣшнихъ профессоровъ, доцентовъ и приватъ-доцентовъ только 16 остались отъ прежняго времени, всѣ же остальные назначены въ управленіе округомъ Н. А., въ томъ числѣ болѣе 40 русскихъ ученыхъ.

Въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ Н. А. не переставалъ хлопотать о примѣненіи къ Юрьевскому университету „Общаго устава и штата Россійскихъ университетовъ“ и не его вина, что мѣра эта, долженствующая закончить реформу университета и обезпечить его дальнѣйшее развитіе въ общерусскомъ направленіи, доннѣ не осуществилась.

Во всякомъ случаѣ, въ исторіи нашего университета имя Н. А. навсегда будетъ связано съ его реформою, совершенною по соображеніямъ не только національно-государственнымъ, но и строго научнымъ, въ смыслѣ усиленія матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ университета и развитія его ученой и учебной дѣятельности.

Въ послѣдніе годы Н. А.-чу по вызовамъ министерства не разъ приходилось быть предсѣдателемъ историко-филологической испытательной комиссіи при С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ также пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и любовь за свое основательное знакомство со всѣми основными предметами этого факультета, неизмѣнно внимательное и объективное отношеніе къ дѣлу и свою сердечную доброту.

При всей массѣ непрерывнаго труда, отъ котораго Н. А. никогда не уклонялся, онъ долго умѣлъ сберегать свое здоровье и силы чрезвычайно правильнымъ образомъ жизни. Онъ зналъ цѣну чистаго воздуха и умѣреннаго движенія на немъ. И въ Нѣжинѣ, и въ Варшавѣ, и въ Ригѣ у него были любимыя аллеи, по которымъ онъ прогуливался ежедневно, съ точностью хронометра. Такой же правильностью

отличалась его діета, распредѣленіе занятій, время сна и бдѣнія. Благодушный, примирительный взглядъ на жизнь долго охранялъ его нервную систему отъ переутомленія и раздраженія, хотя онъ далеко не былъ натурой холодной, безчувственной. Отъ волненій административной жизни онъ находилъ отдыхъ и отраду въ любимыхъ научныхъ занятіяхъ, въ непрерывномъ чтеніи всего новаго, что въ журналахъ или отдѣльныхъ изданіяхъ выходило по исторіи русской словесности. Между прочимъ онъ до конца жизни очень внимательно прочитывалъ корректурные листы новаго академическаго словаря русскаго языка и посылалъ редакторамъ его, академикамъ Гроту и Шахматову, свои замѣчанія и поправки.

Но все таки въ послѣдніе годы крѣпкое здоровье Н. А. пошатнулось и въ теченіе прошлой зимы онъ вынужденъ былъ отказаться отъ объѣзда подвѣдомственныхъ ему школъ. Это было ему крайне тяжело, ибо онъ смотрѣлъ на свое служебное дѣло какъ на дѣло живое, требующее взаимодѣйствія съ живыми людьми, а не одной канцелярской, бумажной работы. Въ одномъ изъ прошлогоднихъ писемъ ко мнѣ Н. А. жаловался на расстройство своей нервной системы, обусловленное, по его словамъ, продолжительной службой на двухъ окраинахъ, гдѣ нервный расходъ значительно-де больше, чѣмъ при службѣ во внутреннихъ губерніяхъ. Послѣднія свои надежды Н. А-чъ возлагалъ на лѣтній отдыхъ въ Кочеткѣ, но имъ не суждено было сбыться. Сознаніе невозможности исполнять далѣе свои служебныя обязанности, какъ онъ выражался, по-николаевски, т. е. въ ихъ полномъ объемѣ, а не на половину или на треть только, было причиною, что 18 авг. с. г. Н. А-ичъ послалъ въ министерство прошеніе объ отставкѣ. Ровно мѣсяць спустя, 18 сент., онъ скончался.

Не удивительно, что смерть Н. А. вызвала во всѣхъ его знавшихъ — ближе и дальше, по отношеніямъ служебнымъ или частнымъ, по связямъ научнымъ или админи-

стративнымъ — единодушное и глубокое сожалѣніе, какъ это видно и изъ появившихся некрологовъ его въ газетахъ провинціальныхъ и столичныхъ. Это былъ, безспорно, человекъ рѣдкій и замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Онъ обладалъ всѣми тѣми дарами природы и преимуществами образованія, какіе необходимы для выдающейся дѣятельности. До послѣднихъ дней жизни Н. А. располагалъ столь твердой и вѣрной памятью, что ему не стоило никакихъ усилій держать въ головѣ цѣлый арсеналь и научныхъ знаній, и житейскихъ опытовъ и наблюденій. Но рядомъ съ этою легкостію и вѣрностію воспринимающей дѣятельности духа, онъ отличался крѣпкою мыслью, способностію систематизовать и перерабатывать воспринятое и самостоятельно пользоваться наблюденіями для цѣлей теоретическихъ и практическихъ. При этой обобщающей и выводной работѣ Н. А. всегда умѣлъ держаться въ границахъ безспорнаго или по крайней мѣрѣ вѣроятнаго, никогда не впадая въ преувеличенія или иллюзіи, какъ бы заманчивы онѣ ни были. Эта сдержанность и трезвость мысли отражалась и въ его стилѣ, простомъ, точномъ, никогда не вычурномъ и не фразистомъ. Такія особенности его мысли и стиля не были однако признакомъ сухости или холодности его чувства и воображенія. Наоборотъ, Н. А. имѣлъ горячее, любящее сердце, увлекавшееся всѣмъ прекраснымъ и высокимъ въ поэзіи и жизни. Это и располагало его къ занятіямъ словесностію, въ частности же — изящной словесностію, въ оцѣнкѣ произведеній которой онъ всегда обнаруживалъ вѣрный вкусъ и пониманіе не разсудочное лишь, но и непосредственное, инстинктивное. На этомъ же свойствѣ духа коренилась его доброта, благодушіе, здоровый и просвѣтленный тонкимъ юморомъ взглядъ на жизнь, съ ея радостями и огорченіями, торжествомъ и злостью. Но это благодушіе и снисходительность Н. А. въ оцѣнкѣ какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ сторонъ жизни личной и общественной не доходили до безразличія

къ нимъ, до умственнаго или нравственнаго индифференцизма. Нѣтъ, онъ имѣлъ твердыя убѣжденія, опредѣленное міросозерцаніе и устойчивый, непреклонный въ принципіальномъ характеръ. Міросозерцаніе это основано было на идеяхъ и идеалахъ христіанства и славянства, или точнѣе — православія и русской народности, вмѣстѣ съ любовью къ исторически сложившимся формамъ русской государственности, съ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ высокимъ культурнымъ основамъ и міровымъ задачамъ русской жизни. Въ этомъ отношеніи Н. А. всего ближе примыкалъ къ нашей славянофильской школѣ, хотя славянофильской метафизикой онъ лично не занимался и въ полемикѣ за ея тезисы не участвовалъ. Въ вопросахъ нашей окраинной политики Н. А. держался въ общемъ тѣхъ взглядовъ, какіе были проводимы И. С. Аксаковымъ и Ю. О. Самаринимъ въ публицистикѣ, а Н. А. Милутинымъ и Манассейномъ въ государственной жизни. Ни въ Харьковѣ, ни въ Нѣжинѣ онъ не увлекался зловредной маниловщиной украинофильства. Въ Варшавѣ онъ не закрывалъ глазъ на историко-культурные антагонизмы, отдѣляющіе общество польское отъ русскаго, и понималъ, что примиреніе столь глубокихъ и давнихъ культурныхъ контрастовъ можетъ быть подготовлено и проведено лишь продолжительнымъ и медленнымъ процессомъ перевоспитанія подрастающихъ поколѣній въ духѣ братства, въ идеяхъ истинной кирилло-меѳодіевской образованности. Тѣми же приблизительно взглядами руководился Н. А. и на здѣшной окраинѣ, почему и принималъ всѣ мѣры, чтобы подвѣдомственныя ему школы развивались въ согласіи съ требованіями не только русской педагогики, но и патріотической политики, въ духѣ державныхъ завѣтовъ незабвеннаго Императора Александра III.

Не удивительно, что 50-лѣтняя почти дѣятельность человѣка, столь богато одареннаго и столь разносторонне образованнаго, проникнутаго столь возвышенными идеями и столь неутомито, беззавѣтно имъ служившаго, оставляетъ

по себѣ прочный и благодѣтельный слѣдъ и въ русской наукѣ, и въ русской жизни, въ частности же на нашей окраинѣ. Выразимъ же наше уваженіе къ памяти Н. А-ча и нашу признательность за все, имъ сдѣланное для Россіи, между прочимъ и для нашего университета, — общимъ вставаніемъ.
